

**Исследование взаимосвязи социальной активности и психологического
благополучия у женщин в период средней зрелости**

Азамхуджаева Мунисахон Асилхон кизи

Студент (магистр)

Филиал Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова в
г.Ташкенте, Ташкент, Узбекистан

E-mail: amunisa2024@gmail.com

В современном обществе Узбекистана сейчас происходят очень большие изменения в социально-психологическом плане: кардинально меняются способы взаимодействия в рамках социума, меняются социальные роли, особенности представлений о семье. Наша страна решительно пытается соответствовать современным стандартам развитого государства с развитым обществом. Поэтому вполне ожидаемо, что в обществе существует запрос на подробные масштабные исследования психологии женщин разных возрастов с точки зрения их внутрипсихических процессов. На наш взгляд это очень важная область для изучения не только по упомянутым причинам, но и потому, что в отечественной психологии до сих пор не так много внимания уделялось этому.

По данным stat.uz, в 2022 более 20% родителей в возрасте до 30 лет имеют 2-3 детей. Это означает, что ко вхождению в период средней зрелости женщины сталкиваются с новыми проблемами воспитания и особенно остро переживают кризис среднего возраста. В нашем исследовании нас интересует, каким образом женщины в таких условиях включены в социум, как именно справляются с тонким балансированием всех этих процессов и как это может быть связано с психологическим благополучием.

Для получения ответов мы проводим эмпирическое исследование, результаты которого хотим предложить в рамках этой публикации. Отметим, что предлагаемые результаты предварительные, и пока не соберется достаточное количество достоверных данных, мы не можем утверждать, что наши выводы полностью правдивы и близки к истине.

Для начала определим понятия «Социальная активность» и «Психологическое благополучие». Социальная активность – это степень включенности личности в систему социальных отношений, некий индикатор участия личности в различных видах общественной деятельности [1]. Социальная активность – это активность, которая направлена на изменение социальных объектов, которое, в свою очередь, ведет к изменению самой личности и всей социальной ситуации [2]. Разные авторы выделяют разные компоненты социальной активности (Г.В. Палаткина, Л.В. Азизова, Е.М. Харланова, Т.А. Терехова), но по своей сущности их можно объединить в четыре: когнитивный, эмоциональный, мотивационный и поведенческий компоненты. Именно этим и воспользовались Р.М. Шамионов и М.В. Григорьева, которые статистически разработали целую методику для диагностики упомянутых компонентов социально-ориентированной активности [3].

Под психологическим благополучием в рамках нашего исследования и, в целом в истории, понимается субъективное самоощущение целостности и осмысленности индивидом своего бытия, и часто этот термин используют в контексте экзистенциально-гуманистической психологии. К этому понятию также подходили многие специалисты (Н.М. Бредбёрн, К. Рифф, Э. Динер), но единого общепринятого понимания еще не утвердили. Мы в нашем исследовании пользуемся подходом К. Рифф, которая предполагает, что психологическое благополучие – это наличие у человека специфических, устойчивых психологических черт, позволяющих ему функционировать значимо более успешно, чем при их отсутствии [4].

В нашем исследовании приняла участие 51 женщина в возрасте от 35 до 60 лет. Среди них 41 замужняя женщина и 10 незамужних по разным причинам (разведены, вдовы, не

живут в месте). Для измерения психологического благополучия мы использовали методику К. Рифф в адаптации Лепешинского, а для измерения социально ориентированной деятельности – упомянутую методику Р.М. Шамионова и М.В. Григорьевой.

Далее мы провели непараметрический корреляционный анализ Спирмена и выявили следующие тенденции:

- Чем выше эмоционально-статусный компонент, тем ниже управление средой.
- Чем выше эмоционально-статусный компонент, тем выше личностный рост и цели в жизни.
- Чем выше мотивационный компонент, тем ниже самопринятие.
- Чем выше поведенческий компонент, тем ниже автономия.

На наш взгляд эмоционально-статусный компонент социальной активности у женщин продемонстрировал обратную взаимосвязь с управлением средой, поскольку стремление к общению со статусными представителями общества почти никогда не предполагает управление ими, а наоборот – когда у женщины статусное окружение, она постепенно вливается в него, становится его частью, и подчиняется его влиянию. Отчасти этим можно объяснить и вторую взаимосвязь – эмоционально-статусного компонента с личностным ростом и целями в жизни. Самопринятие в нашем исследовании обратно мотивационному компоненту, что вполне логично, учитывая, что мотивационный компонент больше ориентирован на сопереживание, помощь окружающим, чем на рефлексии и работу с собой. Обратную взаимосвязь поведенческого компонента и автономии можно объяснить тем, что первое предполагает ориентацию на других людей при достижении целей, а это, конечно, по определению противоположно ориентации на себя, независимости и самостоятельности, особенно в контексте тех гендерных ролей, которые примеряют на себя женщины в нашем обществе.

Таким образом, мы представили результаты небольшого исследования, которое мы провели и продолжаем проводить. Мы выяснили, что среди наших респонденток есть тенденции обратных взаимосвязей между ориентацией на себя и ориентацией на общество, то есть у нас есть основание предполагать, что в рамках нашей выборки у женщин в период средней взрослости наблюдается определенный конфликт интересов «себя» и общества.

Источники и литература

- 1) Ануфриев, Е.А. Социальная активность личности. М. 1969. 37 с.
- 2) Шамионов, Р.М. Социальная активность личности и группы: определение, структура и механизмы // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Психология и педагогика. 2018. Т. 15, № 4. с. 379-394.
- 3) Шамионов, Р.М. Григорьева, М.В. Методика диагностики компонентов социально-ориентированной активности // Сибирский психологический журнал. 2019. № 74. с. 26-41.
- 4) Ryff, C.D. Psychological well-being. Encyclopedia of gerontology: age, aging, and the aged. San Diego, CA: Academic Press. 1996. 1474 p.